

Денис Фонвизин

**Чистосердечное признание в
делах моих и
помышлениях**

Денис Иванович Фонвизин
Чистосердечное признание в
делах моих и помышлениях

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4743462*

Аннотация

«...Остаётся мне теперь сказать об образе нашего университетского учения; но самая справедливость велит мне предварительно признаться, что нынешний университет уже не тот, какой при мне был. Учители и ученики совсем ныне других свойств, и сколько тогдашнее положение сего училища подвергалось осуждению, столь нынешнее похвалы заслуживает. Я скажу в пример бывший наш экзамен в нижнем латинском классе...»

Содержание

Денис Иванович Фонвизин

Чистосердечное признание в делах МОИХ И ПОМЫШЛЕНИЯХ

<...> Остаётся мне теперь сказать об образе нашего университетского учения; но самая справедливость велит мне предварительно признаться, что нынешний университет уже не тот, какой при мне был. Учители и ученики совсем ныне других свойств, и сколько тогдашнее положение сего училища подвергалось осуждению, столь нынешнее похвалы заслуживает. Я скажу в пример бывший наш экзамен в нижнем латинском классе. Накануне экзамена делалось приготовление; вот в чём оно состояло: учитель наш пришёл в кафтане, на коем было пять пуговиц, а на камзоле четыре; удивлённый сею странностию, спросил я учителя о причине. «Пуговицы мои вам кажутся смешны, – говорил он, – но они суть стражи вашей и моей чести: ибо на кафтане значат пять склонений, а на камзоле четыре спряжения; итак, – продолжал он, ударяя по столу рукою, – извольте слушать всё, что говорить стану. Когда станут спрашивать о каком-нибудь имени, какого склонения, тогда примечайте, за которую пуговицу я возьмусь; если за вторую, то смело отвечайте: второго

склонения. С спряжениями поступайте, смотря на мои кам-
зольные пуговицы, и никогда ошибки не сделаете». Вот ка-
кой был экзамен наш! О вы, родители, восхищающиеся ча-
сто чтением газет, видя в них имена детей ваших, получив-
ших за прилежность свою пре́йсы¹, послушайте, за что я ме-
даль получил. Тогдашний наш инспектор покровительство-
вал одного немца, который принят был учителем географии.
Учеников у него было только трое. Но как учитель наш был
тупее прежнего, латинского, то пришёл на экзамен с полным
партищем пуговиц, и мы, следственно, экзаменованы были
без всякого приготовления. Товарищ мой спрошен был: куда
течёт Волга? В Чёрное море, – отвечал он; спросили о том
же другого моего товарища; в Белое, – отвечал тот; сей же
самый вопрос сделан был мне; не знаю, – сказал я с таким
видом простодушия, что экзаменаторы единогласно мне ме-
даль присудили. Я, конечно, сказать правду, заслужил бы её
из класса практического нравоучения, но отнюдь не из гео-
графического. <...>

Склонность моя к писанию являлась ещё в младенчестве,
и я, упражняясь в переводах на российский язык, достиг до
юношеского возраста. Глас совести велит мне сказать, что
сего дня от юности моя мнози борят мя страсти.

А какие они были, то возвестит книга вторая...

В университете был тогда книгопродавец, который услы-
шал от моих учителей, что я способен переводить книги. Сей

¹ награды (нем.)

книгопродавец предложил мне переводить Голберговы басни; за труды обещал чужестранных книг на пятьдесят рублей. Сие подало мне надежду иметь со временем нужные книги за одни мои труды <...>

В бытность мою в университете учились мы весьма беспорядочно. Ибо, с одной стороны, причиною тому была ребяческая леность, а с другой – нерадение и пьянство учителей. Арифметический наш учитель пил смертную чашу; латинского языка учитель был пример злонравия, пьянства и всех подлых пороков, но голову имел преострую и как латинский, так и российский язык знал очень хорошо.

В сие время тогдашний наш директор² вздумал ехать в Петербург и везти с собою несколько учеников для показания основателю университета³ плодов сего училища. Я не знаю, каким образом попал я и брат мой в сие число избранных учеников. Директор с своею супругою и человек десять нас, малолетних, отправились в Петербург зимою. Сие путешествие было для меня первое и, следственно, трудное, так, как и для всех моих товарищей; но благодарность обязывает меня к признанию, что тягость нашу облегчало весьма милостивое внимание начальника. Он и супруга его имели смотрение за нами, как за детьми своими; и мы с братом, приехав в Петербург, стали в доме родного дяди нашего. Он имеет характер весьма кроткий, и можно с достоверностью сказать,

² И.И.Мелиссино

³ И.И.Шувалову

что во всю жизнь свою с намерением никого не только делом, ниже словом не обидел.

Через несколько дней директор представил нас куратору. Сей добродетельный муж, которого заслуг Россия позабыть не должна, принял нас весьма милостиво и, взяв меня за руку, подвёл к человеку, которого вид обратил на себя почтительное моё внимание. То был бессмертный Ломоносов! Он спросил меня: чему я учился? «По-латыни», – отвечал я. Тут начал он говорить о пользе латинского языка с великим, правду сказать, красноречием. После обеда в тот же день были мы во дворце на куртаге; но государыня не выходила. Признаюсь искренно, что я удивлён был великолепием двора нашей императрицы. Везде сияющее золото, собрание людей в голубых и красных лентах, множество дам прекрасных, наконец, огромная музыка – всё сие поражало зрение и слух мой, и дворец казался мне жилищем существа выше смертного. Сему так и быть надлежало: ибо тогда был я не старше четырнадцати лет, ничего ещё не видывал, всё казалось мне ново и прелестно <...>

Но ничто в Петербурге так меня не восхищало, как театр, который я увидел в первый раз отроду. Играли русскую комедию, как теперь помню, «Генрих и Пернилла»⁴. Тут я видел Шуйского, который шутками своими так меня смешил, что я, потеряв благопристойность, хохотал из всей силы. Действия, произведённого во мне театром, почти опи-

⁴ комедию Л.Голберга в русском переводе

сать невозможно: комедию, виденную мною, довольно глупую, считал я произведением величайшего разума, а актёров — великими людьми, коих знакомство, думал я, составило бы моё благополучие. Я с ума было сошёл от радости, узнав, что сии комедианты вхожи в дом дядюшки моего, у которого я жил. И действительно, чрез некоторое время познакомился я тут с покойным Фёдором Григорьевичем Волковым, мужем глубокого разума, наполненного достоинствами, который имел большие знания и мог бы быть человеком государственным. Тут познакомился я с славным нашим актёром Иваном Афанасьевичем Дмитриевским, человеком честным, умным, знающим и с которым дружба моя до сих пор продолжается. Стоя в партерах, свёл я знакомство с сыном одного знатного господина, которому физиономия моя понравилась; но как скоро спросил он меня, знаю ли я по-французски, и услышал от меня, что не знаю, то он вдруг переменялся и ко мне похолодел: он счёл меня невеждою и худо воспитанным, начал было надо мною шпынять; а я, приметя из оборота речей его, что он, кроме французского, коим говорил также плохо, не смыслит более ничего, стал отъедаться и моими эпиграммами загонял его так, что он унялся от насмешки и стал звать меня в гости; я отвечал учтиво, и мы разошлись приятельски. Но тут узнал я, сколько нужен молодому человеку французский язык, и для того твёрдо предпринял, и начал учиться оному, а между тем продолжал латинский, на коем слушал логику у профессора Шадена, быв-

шего тогда ректором. Сей учёный муж имеет отменное дарование преподавать лекции и изъяснять так внятно, что успехи наши были очевидны и мы с братом скоро потом произведены были в студенты. В самое же сие время не оставляя я упражняться в переводах на российский язык с немецкого: перевёл «Сифа, царя египетского»⁵, но не весьма удачно. Знание моё в латинском языке пособило мне весьма к обучению французского. Через два года я мог разуместь Волтера и начал переводить стихами его «Альзиру». Сей перевод есть не что иное, как грех юности моя, но со всем тем встречаются и в нём хорошие стихи.

В 1762 году был уже я сержант гвардии; но как желание моё было гораздо более учиться, нежели ходить в караулы на съезжую, то уклонялся я сколько мог от действительной службы. По счастью моему, двор прибыл в Москву, и тогдашний вице-канцлер⁶ взял меня в иностранную коллегия переводчиком капитан-поручичья чина, чем я был доволен. А как переводил я хорошо, то покойный тогдашний канцлер⁷ важнейшие бумаги отдавал именно для перевода мне <...>

⁵ роман французского писателя Ж.Террасона «Геройская добродетель, или Жизнь Сифа, царя египетского, из таинственных свидетельств древнего Египта взятая»

⁶ Александр Михайлович Голицын

⁷ Михаил Илларионович Воронцов